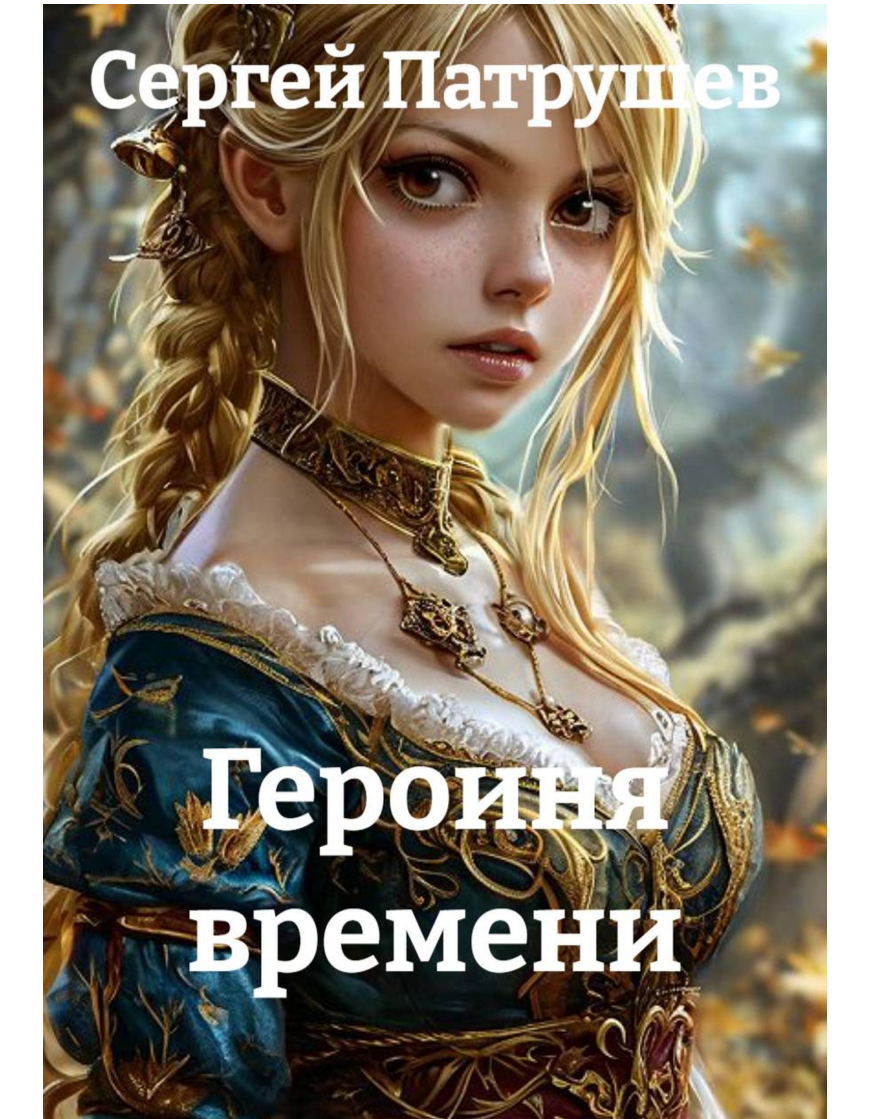

Сергей Патрушев

Героиня
времени

Сергей Патрушев

Героиня времени

<https://litres.ru/74402823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Королевство Люмьер разделено на две половины: сияющий Верхний город, где правят маги Света, и утопающий в нищете Нижний квартал, откуда Тьма черпает новых последователей. Анна — талантливая стипендиатка из бедной семьи, для которой Академия Света становится единственным шансом вырваться из беспросветности. Академия полна не только знаний, но и опасных тайн.

Случайно обнаружив запретную книгу «Хроники Разлома», Анна и её друг Денис открывают для себя магию путешествий во времени. Когда на Академию обрушиваются тёмные маги, а город погружается в хаос, герои понимают: единственный способ спасти королевство — вернуться в прошлое и предотвратить катастрофу. У магии времени есть цена: каждый прыжок отнимает частицу жизни.

Анне предстоит сделать выбор: снова и снова переписывать прошлое, теряя себя, или научиться принимать решения вовремя и жить в настоящем. Времени почти не осталось.

Содержание

Глава 1. Пепел на мостовой	4
Глава 2. Запретная секция	33
Глава 3. Эксперименты с вечностью	57
Глава 4. Бал у губернатора	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сергей Патрушев

Героиня времени

Глава 1. Пепел на мостовой

Запах ударил в нос раньше, чем Анна открыла глаза, — густая, липкая, почти осязаемая смесь протухшей рыбы, кислого пота, гниющих овощей и сладковатого, удушливого дыма дешевых масляных ламп, которые в Нижнем квартале гасили только с рассветом, когда их чадающее пламя становилось окончательно бесполезным. Этот запах был вечным спутником ее жизни, он въедался в одежду, в волосы, в самую душу, пропитывал каждую пору кожи, каждую нитку грубого одеяла, под которым она спала, и, наверное, именно поэтому от него невозможно было избавиться, даже оказавшись за высокими стенами Верхнего города, среди благоухания цветущих садов и дорогих духов. Анна резко села на узкой деревянной кровати, сбрасывая остатки тревожного, липкого сна, в котором она снова бежала по бесконечным темным коридорам, а за ней гналась сама Тьма — бесформенная, безмолвная, всепоглощающая. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в висках, а ладони были влажными от пота. Она снова проспала.

Солнце, это безжалостное, палящее светило, которое в их краях, казалось, светило ярче и злее, чем где-либо еще в королевстве Люмьер, уже всюду заливало убогую комнатку, которую Анна делила с матерью. Лучи пробивались сквозь многочисленные щели в разошедшихся деревянных ставнях, рисуя на истертом дощатом полу длинные пыльные полосы, в которых медленно, словно зачарованные, танцевали мельчайшие частицы пыли. Эти золотые дорожки света были здесь единственным напоминанием о том, что существует иной мир, мир чистоты и сияния, мир, к которому Анна так отчаянно стремилась. Проклятие! Сегодня же первый день нового семестра в Академии Света, а она, стипендиатка, обязанная быть образцом прилежания, послушания и благодарности, валяется в постели, как последняя бездельница, словно у нее нет никаких обязательств ни перед матерью, ни перед ректором, ни перед самим Светом, который даровал ей этот шанс.

Она вскочила с кровати, едва не опрокинув стоявший на шатком табурете таз с водой для умывания. Вода плеснулась через край, замочив край старого, выцветшего половика, но Анне было не до этого. Времени на то, чтобы привести себя в порядок по-настоящему, катастрофически не хватало. Она торопливо плеснула в лицо ледяной водой, зачерпнув ее прямо из таза сложенными ладонями, и смыла остатки сна,

чувствуя, как холод пробирает до мурашек, как он прогоняет остатки ночного кошмара и возвращает ясность мыслям. Затем она натянула свою студенческую мантию — просторное одеяние из грубого, неотбеленного льна, которое ей выдали в Академии вместе со стипендией. Белая ткань, еще вчера казавшаяся символом надежды, новым началом, пропуском в лучшую жизнь, сегодня выглядела вызывающе, почти преступно чистой на фоне их темной, прокопченной дымом очага комнаты.

Она была как белая ворона, как пятно света в царстве теней, как символ чуждого мира, который не принимал ее, а она, в свою очередь, не могла до конца принять его. Анна провела ладонью по грубой поверхности деревянной двери, на которой мать, заботливо, но безуспешно, годами пыталась отскоблить въевшееся пятно копоти, оставшееся после давнего пожара, когда загорелся дом соседей. В этом жесте, в этих белесых следах от ножа на темном дереве, было столько бессильной любви, столько тихой, отчаянной надежды на лучшую жизнь, что у Анны защемило сердце, и к горлу подступил комок, который она с трудом проглотила.

— Мам, я убежала! — крикнула она в глубину комнаты, где за занавеской, сшитой из старых мешков, еще слышалось ровное, но тяжелое дыхание матери.

Ответа не последовало, лишь тихий, надсадный, сухой кашель — верный признак того, что ночная смена на ткацкой фабрике, где мать работала уже двенадцать лет, опять не прошла даром, и что болезнь, поселившаяся в ее легких несколько лет назад, снова дала о себе знать. Анна закусила губу, подавляя волну гнева и бессилия. Этот кашель был для нее страшнее любой магии Тьмы. Она заслужит эту стипендию. Она закончит Академию с отличием. Она станет магом Света, получит назначение в хорошее место и вытащит их отсюда. Она сделает все, чтобы ее мать больше никогда не видела этих проклятых станков, этой вечной пыли и этой вечной темноты.

Выскочив на улицу, она сразу попала в людской водоворот. Нижний квартал жил своей жизнью, бурной, хаотичной, беспощадной и совершенно не похожей на ту чопорную, размеренную жизнь, что текла в Верхнем городе. Улица, по которой ей нужно было пройти, в это время дня превращалась в один сплошной, ревущий, многоголосый рынок. Торговцы, охрипшие от крика, нахваливали свой товар: горы вялых, побитых овощей, которые в Верхнем городе не взяли бы даже для скота, сомнительного вида мясо, облепленное черными мухами, грубую обувь из недубленой кожи, которая натирала ноги до кровавых мозолей, но была единственной доступной роскошью для тех, кто работал по четырнадцать часов в сутки. Телеги, запряженные изможденными, тощими ло-

шадьями с торчащими ребрами, с трудом прокладывали себе путь сквозь плотную, колышущуюся толпу, а их возницы осыпали прохожих отборной бранью, размахивая кнутами.

Дети в лохмотьях, босоногие и чумазые, шныряли под ногами, выпрашивая монетку или норовя стащить зазевавшийся кошелек, их глаза, слишком взрослые и слишком голодные для их возраста, следили за каждым движением прохожих. Воздух был пропитан пылью, влагой, потом и этой вездесущей, неистребимой вонью нищеты, которая, казалось, была не просто запахом, а самой сутью этого места.

Анна ловко лавировала в этом бурлящем потоке, прижимая к груди потрепанную холщовую сумку с книгами, которые она получила в библиотеке Академии в конце прошлого семестра. Её белая мантия, не успевшая еще запачкаться уличной грязью, была здесь подобна флагу, который невозможно не заметить.

Одни смотрели на нее с плохо скрываемой завистью, в их глазах читался немой вопрос: почему она, а не я? Почему ей выпал этот шанс, а нам суждено гнить здесь до конца дней? Другие — с откровенной враждебностью, видя в ней предательницу, которая переметнулась на сторону богачей. Третьи — с тупым, равнодушным безразличием, потому что в их жизни не осталось места ни для чего, кроме ежеднев-

ной борьбы за выживание. Она чувствовала эти взгляды кожей, они жгли ее, как пощечины, но она не замедляла шага. Привычка. Она научилась быть невидимой, даже будучи одетой в белое. Она научилась не слышать шепот за спиной и не видеть презрительных усмешек. Она научилась проходить сквозь толпу, как нож сквозь масло, не оставляя следа.

Она свернула в узкий проулок, который служил коротким путем к мосту, соединявшему Нижний и Верхний города. Этот путь был грязнее, темнее и опаснее, но значительно быстрее, а скорость сейчас была важнее чистоты и безопасности. Здесь, вдали от главных торговых рядов, вонь стала еще концентрированнее, еще невыносимее. В сточных канавах, лениво журчащих вдоль кривых, заплесневелых стен, плавали отбросы, дохлые крысы и прочие следы человеческой жизнедеятельности. Анна задержала дыхание и ускорила шаг, перепрыгивая через лужи мутной, зловонной жижи, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не видеть той угрожающей картины, которую она и так знала наизусть.

Наконец, она вынырнула на небольшую площадь перед мостом. Здесь всегда толпились те, кто шел на работу в Верхний город: слуги в потертых ливреях, повара с огромными корзинами, уборщики с ведрами и щетками, мусорщики с тележками, прачки с узлами грязного белья. Они стояли с опущенными головами, послушно предъявляя страже свои

помятые, засаленные пропуска, и в этой их покорности, в этой привычной обреченности было что-то глубоко унижительное.

Анна, с ее студенческим жетоном из блестящей латуни, имела право прохода без очереди, но все равно чувствовала на себе тяжелые, изучающие взгляды стражников, которые, казалось, видели насквозь и ее саму, и ее жалкую попытку казаться своей в мире, куда ей не было хода. Она была чужой и там, внизу, среди своих, и здесь, наверху, среди чужих. Она была мостом между двумя мирами, но мостом, по которому не хотел идти никто.

Мост Скорби, как его называли в народе, был величественным сооружением из белого мрамора, возведенным, как гласила легенда, еще в эпоху Первого Короля-Светоча. Он был построен на костях и поте тысяч рабочих из Нижнего квартала, и потому его официальное название — Мост Единства — так и не прижилось среди простого люда.

Он казался символом недостижимой мечты, вознесшимся над пропастью грязи, бедности и отчаяния, и в то же время — символом непреодолимой пропасти, разделявшей два мира, которые никогда не смогут понять друг друга. Анна шла по нему, и с каждым шагом воздух становился чище, а краски — ярче, словно сама реальность менялась, преобража-

лась, очищалась от скверны. Она оставила позади серый, мо-
нохромный, удушливый мир Нижнего квартала и вступала в
мир, где даже небо, казалось, было более голубым, а солнце
— более ласковым.

Верхний город встретил ее тишиной и прохладой. Ши-
рокие проспекты, вымощенные гладким, отполированным
камнем, были пустынные, если не считать редких прохо-
жих, неспешно прогуливавшихся в тени деревьев. По ним
бесшумно проезжали экипажи, запряженные породистыми,
ухоженными лошадьми, чьи гривы были украшены разно-
цветными лентами, а на дверцах экипажей красовались фа-
мильные гербы древних аристократических родов. Вокруг
возвышались здания из белого камня, украшенные изящны-
ми колоннами, лепниной и барельефами, прославляющими
Свет и его служителей, великих магов прошлого, победив-
ших Тьму.

Воздух был наполнен ароматами цветущих садов, свежей
выпечки, доносившейся из пекарен, и дорогих духов, кото-
рые оставляли за собой дамы в пышных платьях. Это был
мир порядка, богатства, незыблемого спокойствия и уверен-
ности в завтрашнем дне. Мир, к которому Анна так отчаян-
но стремилась и который с таким же отчаянием ее отторгал.
Она шла по этому миру, как по чужому сну, боясь проснуть-
ся и боясь, что этот сон никогда не станет явью.

Ворота Академии Света — массивные, кованые, украшенные золотым гербом королевства Люмьер, на котором был изображен пылающий факел, разгоняющий тьму, — были уже близко, когда Анна поняла, что безнадежно опаздывает. Поток студентов, еще недавно заполнявший просторную площадь перед входом, иссяк, оставив после себя лишь несколько запоздавших фигур, торопливо вбегавших в распахнутые двери главного корпуса. Она бросилась бежать, чувствуя, как белая мантия хлопает ее по ногам, как сумка с книгами больно бьет по бедру, как сердце выпрыгивает из груди.

Опоздание в первый же день семестра — это выговор, это запись в личном деле, а для стипендиатки, за которой наблюдают с особым пристрастием, — почти гарантированное лишение места и возвращение в ту самую серую, безысходную жизнь, из которой она так отчаянно пыталась вырваться.

— Куда так торопишься, нищенка? — раздался сзади насмешливый, полный презрения голос.

Анна резко обернулась, чувствуя, как внутри все сжимается от предчувствия неприятностей. Ей навстречу, лениво прогуливаясь, шли трое студентов. Двое юношей и девушка. Их мантии, сшитые из дорогого, блестящего шелка, а не из

грубого льна, как у Анны, сверкали белизной, а на шеях, поверх высоких воротников, висели тяжелые золотые медальоны с гербами их семей — знаки принадлежности к высшей аристократии, к тем, кто правил этим королевством на протяжении многих поколений.

— В Академию опаздываешь? — продолжил один из юношей, тот, что был выше ростом и наглее. Его звали, кажется, Маркус, и он был сыном какого-то важного советника при дворе короля, одного из тех людей, которые вершили судьбы королевства, не выходя из своих роскошных кабинетов. — Забыла, что твое место не в этих стенах? Оно у корыта для свиней, в твоём вонючем квартале, среди таких же грязных, никчемных отбросов, как ты сама.

Его спутники рассмеялись, и этот смех был подобен звону разбитого стекла — резкий, оскорбительный, уничтожающий. Девушка, брезгливо сморщив свой точеный носик, помахала надушенной рукой перед лицом, словно отгоняя неприятный запах, который, как ей казалось, исходил от Анны. Анна почувствовала, как краска стыда и гнева заливает ее щеки, как кровь приливает к лицу, выдавая ее волнение и унижение. Она сжала кулаки так, что коротко остриженные ногти впились в ладони, оставляя на коже красные полумесяцы. Она знала, что не должна отвечать. Она знала, что любое ее слово будет использовано против нее. Но молчать бы-

ЛО НЕВЫНОСИМО.

— Мое место определено экзаменационной комиссией, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно, хотя внутри все дрожало. — И оно ничем не хуже твоего. Возможно, даже лучше, потому что я заслужила его своими знаниями, а не деньгами отца.

Это было смело, и, возможно, глупо. Слова вырвались раньше, чем она успела подумать о последствиях. Лицо Маркуса исказилось злобой, уродливой, отвратительной гримасой, которая стерла с него всю напускную аристократическую утонченность. Он сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними, и Анна почувствовала исходящую от него волну агрессии, почти физически ощутимую.

— Что ты сказала, отродье? — прорычал он, и его голос сорвался на визг. — Ты хоть знаешь, кто мой отец? Ты, дочь прачки, жалкая, безродная тварь, будешь указывать мне, наследнику древнего рода, что я должен делать?

Он занес руку для удара, и Анна инстинктивно сжалась, понимая, что бежать бесполезно, что сопротивление только разозлит его еще больше. Она знала, что такие, как Маркус, не остановятся перед тем, чтобы ударить женщину, особенно если эта женщина ниже их по происхождению. Для них она

была не человеком, а досадным недоразумением, пятном на белоснежном полотне их идеального мира, пятном, которое нужно было стереть любой ценой.

Но удара не последовало. Чья-то крепкая, сильная рука перехватила запястье Маркуса в воздухе, остановив его в самый последний момент.

— Полегче, Маркус, — раздался спокойный, но полный скрытой угрозы голос, и в этой спокойной уверенности было больше силы, чем в любом крике. — Оставь свои замашки для тренировочных залов. Или ты уже настолько силен, что можешь позволить себе сражаться с безоружными девушками, не боясь последствий?

Анна подняла голову, чувствуя, как сердце заходится от облегчения и благодарности. Перед ней стоял Денис. Высокий, широкоплечий, с аккуратно уложенными темными волосами, в которых уже начали появляться первые серебряные нити, и глазами цвета грозового неба, в которых сейчас бушевала сдерживаемая ярость. Он был воплощением аристократа: от дорогой, безупречно сшитой одежды до отточенных манер и той особой, врожденной уверенности в себе, которая дается только поколениями власти и богатства. И при этом он был ее единственным настоящим другом в этом городе, единственным человеком, который видел в ней

не дочь прачки, а личность.

Маркус попытался вырвать руку, но хватка Дениса была железной, словно он держал не запястье, а стальной прут. Он рванулся, но Денис даже не пошевелился, лишь сильнее сжал пальцы, заставляя Маркуса поморщиться от боли.

— Денис? — прошипел он, узнав его, и в его голосе промелькнула тень страха. — Тебе-то какое дело? Это не твоя забота. Это всего лишь...

— Это всего лишь студентка Академии, — перебил его Денис ледяным тоном, в котором не было ни капли снисхождения. — А нападение на студента, тем более на студента, находящегося под особой защитой ректора, — это серьезное нарушение устава. Или ты хочешь, чтобы я доложил о твоём... поведении? Или, может быть, ты хочешь, чтобы об этом узнал твой отец? Он, кажется, не одобряет, когда его сын публично демонстрирует свою невоспитанность.

Угроза подействовала. Маркус побледнел, и его лицо приобрело землистый оттенок. Связи с ректором у него, конечно, были, но и у Дениса их было не меньше, а его семья была гораздо влиятельнее, чем семья Маркуса. К тому же, отец Маркуса действительно был известен своим строгим нравом и не терпел, когда его сын попадал в скандальные истории,

бросавшие тень на репутацию семьи. Он резко выдернул руку, оставив на запястье красный, воспаленный след, который еще долго будет напоминать ему об этом унижении.

— Мы еще встретимся, — бросил он Анне через плечо, и в его голосе было столько ненависти, что Анна невольно поежилась. — Надеюсь, твой защитник всегда будет рядом. Потому что однажды он отвернется, и тогда...

Он не договорил, но в его недоговоренности было больше угрозы, чем в самых страшных словах. Вся троица удалилась, прожигая Анну ненавидящими взглядами, и их белые мантии еще долго маячили вдали, прежде чем скрыться за воротами Академии.

— Ты как? Цела? — спросил Денис, поворачиваясь к ней, и его взгляд смягчился, в нем появилась та тревога, которую он всегда так тщательно скрывал от посторонних, но которая всегда прорывалась наружу, когда дело касалось Анны.

— Да, — выдохнула она, чувствуя, как дрожат ноги, как все тело бьет мелкая дрожь, а к горлу подступает комок. — Спасибо. Ты как всегда вовремя. Я уже думала, что он ударит.

— Он бы ударил, — серьезно ответил Денис. — Маркус

не из тех, кто бросает слова на ветер. Тебе нужно быть осторожнее, Анна. Не связывайся с ними. Они ищут повода, чтобы унижить тебя, чтобы доказать себе и другим, что ты не имеешь права находиться здесь. Не доставляй им этого удовольствия.

— Повода? — Анна горько усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем веселья. — Мой повод — то, что я существую. Этого им достаточно. Я могу молчать, могу опускать глаза, могу ходить по стеночке, но они все равно будут меня ненавидеть. Потому что я — живое доказательство того, что их мир не так уж идеален, что даже в Нижнем квартале могут рождаться талантливые маги, способные конкурировать с ними.

Денис ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул. Он знал, что она права. Он вырос в этом мире, среди этих людей, он знал их с детства, знал их предрассудки, их страхи, их презрение ко всему, что отличалось от их привычного уклада. И он знал, что эта ненависть, эта слепая вера в собственное превосходство была той самой трещиной, которая рано или поздно погубит их всех. Логику, которая его самого приводила в отвращение, но против которой он не мог ничего сделать, потому что сам был частью этой системы.

— Идем, — сказал он наконец, беря ее под локоть. — Нас

ждут. Первая лекция у магистра Арно. Он не любит опозданий, и нам обоим не стоит навлекать на себя его гнев.

И они пошли к воротам Академии вместе. Белоснежная, шелковая мантия Дениса и простая, льняная мантия Анны. Контраст был разительным, бросающимся в глаза, и Анна чувствовала на себе любопытные, удивленные взгляды других студентов, которые не могли понять, что могло связывать наследника одного из древнейших родов королевства и дочь прачки из Нижнего квартала. Но в их походке, в их молчаливом единении, в том, как Денис слегка наклонил голову к Анне, что-то говоря ей вполголоса, чувствовалась какая-то странная, вызывающая солидарность, которая раздражала и интриговала одновременно.

Лекция по теории Света прошла, как в тумане. Анна сидела на своей скамье в первом ряду, но не слышала ни слова из того, что говорил магистр Арно, сухонький старичок с благообразным лицом и елейным голосом. Перед глазами все еще стояло перекошенное злобой лицо Маркуса, а в ушах звенели его слова: «дочь прачки», «жалкая, безродная тварь».

Она смотрела на свои руки, загрубевшие от работы по дому, от стирки, от мытья полов, и думала о той пропасти, которая отделяет ее от этих чистых, породистых юношей и девушек, беззаботно щебечущих на задних рядах. Они обсуж-

дали балы, новые наряды, лошадей и предстоящие свадьбы. Их мир был наполнен светом в буквальном смысле, но как же они слепы к тьме, что клубилась у подножия их мраморного рая! Они не видели и не хотели видеть того, что творилось за стенами их благополучного мирка, они предпочитали верить, что Нижний квартал — это лишь скопление ленивых, никчемных людей, которые сами виноваты в своей нищете.

Она украдкой взглянула на Дениса, сидящего через несколько рядов от нее, в окружении своих аристократических друзей. Он внимательно слушал лектора, делая какие-то пометки в своей дорогой кожаной тетради, и его лицо было непроницаемым. Он был другим. Он видел. Он понимал. Он говорил с ней об этом долгими вечерами, когда они случайно встречались в библиотеке или в пустых коридорах Академии.

Он рассказывал ей о лицемерии высшего света, о том, как его тошнит от бесконечных интриг и лжи, о том, как он мечтает о мире, где ценность человека определялась бы не его происхождением, а его делами. Но что мог сделать один человек против системы, которая существовала веками? Анна не знала. Она знала лишь одно: сила, которую она чувствовала внутри, сила, которая дремала в ней, ожидая своего часа, требовала выхода. И однажды она использует ее не для того, чтобы заслужить одобрение этих людей, не для того, чтобы

доказать им, что она достойна их общества, а для того, чтобы изменить сам мир, который породил и Маркуса, и Нижний квартал, и эту чудовищную несправедливость.

После занятий Денис снова нашел ее. Он подошел к ней в коридоре, когда она собирала свои книги, готовясь к долгому пути домой.

— Анна, подожди. Я провожу тебя.

— Не стоит, — покачала она головой, хотя внутри ей очень хотелось согласиться. — Мне далеко. Да и тебе не стоит афишировать наше общение. Ты же знаешь, что говорят за твоей спиной, когда видят нас вместе.

— Мне все равно, что они говорят, — отрезал он, и в его голосе прозвучала сталь. — Я уже давно перестал обращать внимание на мнение тех, кто не имеет значения. Я провожу тебя до моста.

Она не стала спорить. Его присутствие успокаивало, давало ей то чувство защищенности, которого ей так не хватало в этом враждебном мире. Они шли по вечерним улицам Верхнего города, которые с наступлением сумерек становились еще красивее. Зажигались магические фонари, установленные вдоль улиц, и они заливали все вокруг мягким, теплым,

золотистым светом. Этот свет был энергией, добытой из самого источника Света, и он был здесь чем-то само собой разумеющимся, как вода из крана, как воздух, которым дышали. Никто здесь не задумывался о том, откуда берется этот свет, сколько сил и жизней было потрачено на то, чтобы он горел, и какова его истинная цена. Свет был данностью, привилегией, которая не ценилась, потому что была неотъемлемой частью жизни.

Они дошли до Моста Скорби. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в багровые и пурпурные тона, и мост, подсвеченный с обеих сторон магическими фонарями, казался парящим в воздухе, словно дорога в иной, лучший мир. Анна остановилась у входа на мост, чувствуя, как вечерний ветерок холодит разгоряченное лицо.

— Дальше я сама, — твердо сказала она, глядя в глаза Денису.

— Я все-таки провожу, — настаивал он, и в его голосе была та упрямая настойчивость, которая всегда раздражала и трогала ее одновременно. — По Нижнему кварталу вечером бродить небезопасно. Ты же знаешь, что там происходит после заката.

— А когда это он был безопасен? — усмехнулась Анна, и

в этой усмешке была горечь человека, который знает правду. — Денис, не нужно. Спасибо тебе за сегодня. Ты уже сделал для меня больше, чем кто-либо другой. Но я не могу вечно прятаться за твоей спиной. Мне нужно учиться стоять за себя. Иначе я никогда не вырвусь из этого круга.

Он долго смотрел на нее, и в его глазах была сложная гамма чувств, которую она не могла до конца расшифровать. Там было беспокойство, нежность, восхищение и что-то еще, что-то глубокое и невысказанное, что заставляло ее сердце биться быстрее.

— Хорошо, — сдался он наконец, понимая, что спорить бесполезно. — Но будь осторожна. И если что-то случится... ты знаешь, где меня найти. В любое время дня и ночи. Я приду.

Он сжал ее плечо, и этот простой жест был теплее любых слов, он сказал ей больше, чем могли бы сказать сотни признаний. Анна кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и, повернувшись, быстро пошла по мосту. Она не оборачивалась. Она знала, что он смотрит ей вслед, и от этого ей было и радостно, и грустно одновременно. Радостно от того, что в этом мире есть человек, которому она небезразлична. Грустно от того, что между ними лежит пропасть, которую им, возможно, никогда не удастся преодолеть.

Она спустилась в Нижний квартал, когда сумерки сгустились до черноты, а последние лучи солнца окончательно растворились за горизонтом. Здесь магических фонарей не было. Лишь редкие, чадающие масляные лампы, висящие над дверьми некоторых лавок и питейных заведений, вырывали из мрака куски реальности, создавая причудливую игру теней. Улицы, такие шумные и многолюдные днем, теперь были почти пусты, и в этой тишине, нарушаемой лишь далеким лаем собак и редкими криками, таилась опасность. Анна шла быстро, стараясь не привлекать внимания, держась середины улицы, подальше от темных проемов подворотен, где могли скрываться грабители или хуже.

Она знала этот район, как свои пять пальцев, знала каждую трещину в стенах, каждую выбоину на мостовой, знала, какие переулки лучше обойти стороной, где могут поджидать воры, а где — кто похуже. После истории с Тьмой, когда маги Ноктис попытались захватить город, в Нижнем квартале стали появляться их агенты. Слухи ходили разные, один страшнее другого. Говорили, что Тьма свила гнездо в самом сердце нищеты, питаясь отчаянием, злобой и ненавистью ее обитателей. Говорили, что в заброшенных подземельях, входы в которые были разбросаны по всему кварталу, проводятся темные ритуалы, на которых приносятся кровавые жертвы. Говорили, что любой, кто отчаялся, кто поте-

рял надежду, может стать легкой добычей для Тьмы, которая обещает избавление от страданий, но взамен забирает душу.

Анна свернула в переулок, который был самым коротким путем к ее дому. Он был узким, зажатым между глухими, обшарпанными стенами заброшенных складов, и здесь царил крошечный мрак, настолько плотный, что казалось, его можно потрогать руками. Лишь слабый свет луны, пробивавшийся сквозь пелену облаков, серебрил неровные булыжники мостовой, создавая иллюзию того, что она ступает по поверхности неведомого озера. Анна ускорила шаг, внутренне сжавшись, чувствуя, как по спине пробегает холодок тревоги. Этот переулок всегда казался ей зловещим, даже днем, а ночью он и вовсе превращался в ловушку, из которой, казалось, нет выхода.

И тут она услышала его. Пьяное, бессвязное бормотание, доносившееся из-за груды ржавых мусорных баков, стоявших у стены. Голос был низким, хриплым, и в нем слышались нотки отчаяния и безумия, которые так часто сопутствуют тем, кто опустился на самое дно. Анна замерла, прислушиваясь. Сердце ухнуло вниз, а по коже побежали мурашки. Она медленно, стараясь не делать резких движений, двинулась дальше, надеясь, что бормотание прекратится, что этот человек просто уснет и не заметит ее.

Но оно, наоборот, стало громче, и в нем начали проступать слова. Сначала неразборчивые, обрывочные, но постепенно складывающиеся в какой-то злобный, шипящий речитатив, который резал слух, как нож по стеклу. Это были не просто пьяные жалобы на жизнь, не просто бессвязный бред отчаявшегося человека. Это было что-то иное, что-то темное, потустороннее, что-то, что не имело ничего общего с человеческой речью. И в воздухе, прямо перед Анной, начал сгущаться мрак. Он был плотнее, чем тень, он был гуще, чем самая темная ночь, и он был... живой. Он колыхался, переливался, пульсировал в такт этому жуткому речитативу, и от него веяло таким холодом, что казалось, сама смерть дышит ей в лицо.

Из-за баков, шатаясь, вышел человек. Его лицо было скрыто грязным капюшоном, но из-под него выбивались пряди сальных, седых волос, прилипших к потному лбу. Одежда, бывшая когда-то дорогой, судя по остаткам вышивки и качеству ткани, была грязна, изорвана и висела на нем, как на скелете. Но самым страшным были его глаза. В них не было ничего человеческого, лишь пустота, бездонная, всепоглощающая пустота, и тлеющая в этой пустоте безумная, иррациональная ненависть ко всему живому. Это были глаза человека, который перестал быть человеком, который отдал свою душу Тьме в обмен на избавление от страданий.

— Свет... — прошипел он, и его голос был похож на скрежет металла по камню, на звук разрываемой ткани, на скрип несмазанной двери. — Они говорят... только Свет... Всегда только Свет... А я говорю... есть только Тьма... Тьма — это конец. И начало. Тьма — это истина. А ваш Свет — это ложь, сладкая, убаюкивающая ложь...

Анна поняла. Пьяный, отверженный, выброшенный на обочину жизни, раздавленный нищетой и отчаянием, он был идеальной жертвой. Через него сейчас говорила сама Тьма, древняя, могущественная сила, которая всегда искала бреши в обороне Света. Это был не полноценный маг Ноктис, не обученный адепт Тьмы, а скорее сосуд, марионетка, которую Тьма использовала для своих целей. Но от этого он не был менее опасен. В таком состоянии он мог выплеснуть всю накопленную в нем темную энергию, разрушая все на своем пути.

Она медленно отступила на шаг, лихорадочно соображая, что делать. Кричать? Бесполезно. Кругом ни души, а те, кто мог бы услышать, предпочтут не вмешиваться. Бежать? Он был прямо перед ней, преграждая путь, и его движения, хотя и неуклюжие, были неожиданно быстрыми. Магия? Она была первокурсницей, ее учили только азам, самым простым заклинаниям, которые годились лишь для учебных поединков. Но то, что она чувствовала внутри, то, что всегда дре-

мало в ней, не требовало заклинаний. Оно требовало лишь воли.

— Отойди, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри все дрожало от страха. — Я не хочу причинять тебе вред. Ты болен. Тобой овладела Тьма. Позволь мне помочь тебе.

Человек лишь рассмеялся хриплым, лающим смехом, и в этом смехе не было ничего человеческого, лишь эхо той бездны, в которую он провалился.

— Вред? — прохрипел он, и его рот искривился в жуткой пародии на улыбку. — Ты не можешь причинить мне вред. Я и есть Тьма. Я — ее часть. Я — ее дыхание. И ты станешь моей жертвой.

И он выбросил вперед руку. Из его ладони, сотканная из мрака, вылетела волна черной энергии. Это была Тьма в ее чистом, неразбавленном виде, первозданный хаос, который существовал до того, как Свет принес в мир порядок. Она неслась на Анну, неся с собой холод, отчаяние, безысходность и абсолютное, всепоглощающее забвение, от которого не было спасения. Анна видела, как эта волна приближается, видела, как она поглощает все на своем пути, и в этот момент ей показалось, что время остановилось, что весь мир замер

в ожидании ее решения.

В этот момент время словно остановилось. Анна увидела не только приближающуюся тьму, но и свой страх. Страх был таким же порождением тьмы, как и эта волна. Он был таким же холодным, таким же липким, таким же парализующим. И тогда она сделала единственное, что пришло ей в голову. Она не стала читать заученные формулы. Она не стала вспоминать жесты, которым их учили на занятиях. Она просто... захотела.

Она захотела жить. Захотела, чтобы этот бедняга, этот несчастный человек, ставший жертвой обстоятельств, исцелился от скверны. Захотела, чтобы этот проклятый перелук, пропитанный болью, ненавистью и отчаянием, осветился, очистился от скверны, которая накопилась здесь за долгие годы. Она не представляла себе это, она не молилась, она не произносила никаких слов. Она просто выпустила наружу то, что всегда жило у нее внутри, то, что было сильнее страха, сильнее отчаяния, сильнее самой Тьмы, — свою веру в Свет.

Она раскрыла ладонь.

И Свет ответил.

Он был не ярким, не ослепляющим, не таким, каким его изображали на картинах в Академии, где он предстал в виде слепящих лучей, пронзающих тьму. Он был чистым, белым, теплым и всеобъемлющим. Он хлынул из ее ладони не как луч, не как сноп искр, а как сам воздух, как сама жизнь, как сама суть бытия. Он заполнил собой весь переулок, проник в каждую трещину, в каждый угол, вытесняя Тьму, изгоняя ее, уничтожая ее. Он столкнулся с волной Тьмы, и та в мгновение ока рассеялась, как утренний туман под лучами солнца, как ночной кошмар, растворяющийся при пробуждении. Чернота не просто исчезла, она была сожжена, очищена, обращена в ничто.

Свет омыл и самого безумца. Он замер, его тело конвульсивно дернулось, а из горла вырвался стон, полный боли и облегчения одновременно, стон, в котором смешались мука изгнания Тьмы и радость освобождения. Тьма покидала его, вытекала из него черным, зловонным дымом, который тут же растворялся в сиянии, как сахар в воде. И когда Свет погас, человек рухнул на колени, а затем медленно завалился на бок. Он был без сознания, но его дыхание было ровным, а лицо, еще минуту назад искаженное гримасой ненависти, разгладилось, обретая выражение покоя. Он был просто пьян, грязен и измучен. Но он был жив и свободен от скверны.

Анна, тяжело дыша, смотрела на свою ладонь. На ней

не было ни следов, ни ожогов, ни каких-либо других отметин. Кожа казалась просто чище, словно после хорошего мыла, словно Свет омыл не только переулок, но и ее саму. Но она чувствовала. Она чувствовала колоссальную усталость, словно в один миг пробежала много миль, словно из нее выкачали всю энергию, оставив лишь пустую оболочку. В ушах шумело, перед глазами плавали темные круги, а ноги подкашивались. Впервые в жизни она применила магию Света по-настоящему, не на тренировке, не под присмотром наставников, а в реальном бою, против реального противника. И это было... невероятно. Это было страшно и прекрасно одновременно.

Она перевела взгляд на мостовую. Там, где только что клубилась черная волна, где сгущался мрак, где Тьма пыталась поглотить ее, остался лишь легкий, серый пепел, который тут же разметал налетевший порыв вечернего ветерка. Пепел на мостовой. Символ того, что Свет победил Тьму, но какой ценой? Этот человек был таким же несчастным, как и она сама. Он был жертвой обстоятельств, жертвой системы, которая выбросила его на обочину жизни. И если бы не случайность, если бы не ее талант, на его месте могла оказаться и она сама. Или, что еще хуже, она могла бы оказаться на месте этого человека, одержимого Тьмой.

Анна перешагнула через лежащего и пошла дальше. Дом

был уже близко. Она знала, что сегодня ей не уснуть. Она знала, что то, что произошло, изменило ее навсегда. Она больше не была просто талантливой студенткой, просто стипендиаткой, просто дочерью прачки. Она была оружием Света. И в этом мире, где Свет был официальной религией, но так и не смог победить тьму человеческих сердец, где Тьма находила себе все новых и новых последователей среди отчаявшихся и обездоленных, это было самым опасным и самым бесценным даром. Даром, который мог стать как спасением, так и проклятием. И только от нее зависело, чем он станет в конечном итоге.

Глава 2. Запретная секция

Прошло три недели с того самого вечера, когда Анна впервые столкнулась с Тьмой лицом к лицу и вышла из этой схватки победительницей. Три долгие, наполненные до краев недели, каждая из которых тянулась бесконечно, словно вязкая патока, и одновременно пролетала с пугающей стремительностью, не оставляя времени ни на размышления, ни на отдых.

Эти недели были подобны странному, затянувшемуся сну, в котором реальность и кошмар переплелись в единый, неразрывный узел. Изнурительные тренировки, которые выматывали тело до предела, заставляя каждую мышцу гореть огнем и каждую кость ныть от усталости; бесконечные лекции, на которых голоса преподавателей звучали как монотонный гул, пробивающийся сквозь пелену недосыпа; постоянное, изматывающее, липкое напряжение, которое стало ее верным, неотвязным спутником с того самого дня, — все это слилось в единый, непрекращающийся поток, грозивший утопить ее в своей беспощадности.

Она никому не рассказала о том, что произошло в перерулке. Даже Денису, хотя искушение поделиться с ним было

почти невыносимым, почти физически ощутимым, словно раскаленный уголь, застрявший где-то в горле. Оно жгло ее изнутри, требовало выхода, кричало о необходимости выговориться, излить душу, освободиться от гнета тайны. Но что-то удерживало ее от этого признания, какое-то смутное, не до конца осознанное чувство, сотканное из множества противоречивых нитей — страха, стыда, гордости и какого-то почти суеверного опасения. Она боялась, что он не поверит ей, что сочтет ее рассказ бредом, выдумкой, порожденной переутомлением, стрессом и недосыпом.

Она боялась, что он посмотрит на нее с той осторожной жалостью, с какой смотрят на людей, чей рассудок дал трещину, и в его глазах она навсегда перестанет быть просто Анной, его другом детства, его верной соратницей, а превратится в нечто иное — в объект изучения, в потенциальную угрозу, в загадку, которую нужно разгадать, или, что еще хуже, в проблему, которую нужно решить.

Но больше всего она боялась другого. Она боялась того, что сама не до конца понимала, что именно произошло с ней в ту ночь. Сила, которую она выпустила наружу, не была просто результатом ее таланта, сколь бы выдающимся он ни был, или упорных тренировок, сколь бы изнурительными они ни казались. Это было нечто большее, нечто древнее и могущественное, что дремало в ней с самого рождения, как дрем-

лет вулкан под толщей земли, накапливая силу для будущего извержения.

И это пугало ее до дрожи, до холодного пота, выступавшего на лбу среди ночи. Она чувствовала эту силу внутри себя постоянно, как чувствуют биение собственного сердца или дыхание. Она ощущала ее как теплый, пульсирующий сгусток энергии, расположенный где-то в районе солнечного сплетения, и этот сгусток иногда, в самые неожиданные моменты, начинал вибрировать, словно пытаясь вырваться наружу, проломить невидимую преграду и затопить ее всю, с головой.

Академия Света, с ее величественными залами, строгими правилами и многовековыми традициями, не давала ответов на те вопросы, которые мучили Анну. Здесь учили контролировать магию, направлять ее в нужное русло, использовать для благих целей. Но никто не говорил о том, откуда эта магия берется, почему одни рождаются с даром, а другие нет, и что происходит с теми, чья сила слишком велика, чтобы ее можно было контролировать.

Эти темы были табу, их избегали с той же осторожностью, с какой избегают упоминания о Тьме в приличном обществе. Свет был даром, но этот дар, как и любой другой, имел свою темную сторону, о которой предпочитали не говорить, слов-

но замалчивание могло заставить ее исчезнуть. Анна все острее чувствовала это лицемерие, эту недоговоренность, и от этого ей становилось не по себе. Она как будто стояла на краю пропасти, всматриваясь в темноту, в то время как все вокруг делали вид, что никакой пропасти не существует.

Наступил конец сентября, и осень вступила в свои права, окрасив листья деревьев в Верхнем городе в золотые и багряные тона, словно какой-то невидимый художник прошелся по ним своей волшебной кистью. Дни стали короче, а вечера — холоднее, и студенты Академии все реже проводили свободное время в парках и садах, предпочитая уютные залы библиотеки, где всегда было тепло и тихо. Приближались первые экзамены, и вся Академия погрузилась в состояние лихорадочной подготовки.

Даже самые ленивые студенты из богатых семей, которые обычно предпочитали развлечения учебе, теперь часами просиживали над учебниками, пытаясь наверстать упущенное за первые недели семестра. Атмосфера была напряженной, как натянутая струна, и в этой напряженности было что-то почти осязаемое, что-то, что висело в воздухе, как предгрозовая духота.

Анна и Денис договорились встретиться в библиотеке после занятий, чтобы вместе подготовиться к предстоящему

экзамену по истории магии Света. Этот предмет вел магистр Арно, сухонький старичок с благообразным лицом и елеиным голосом, который славился своей дотошностью и любовью к неожиданным вопросам. Он мог спросить о чем угодно — от даты рождения какого-нибудь малоизвестного святого до точного состава древнего заклинания, упомянутого лишь в одной-единственной рукописи, погребенной где-нибудь в монастырском архиве. Его экзамены боялись все, даже самые прилежные отличники, и потому подготовка к ним требовала особого усердия, особого внимания к деталям, которые на первый взгляд могли показаться незначительными.

Главная библиотека Академии была одним из самых впечатляющих сооружений во всем королевстве Люмьер. Она занимала отдельное крыло главного корпуса и состояла из нескольких огромных залов, соединенных между собой арочными проходами. Высокие потолки, украшенные фресками, изображавшими великие битвы Света против Тьмы, терялись в полумраке, куда не доставал свет магических ламп, и от этого казались еще выше, еще величественнее.

Стены были уставлены бесконечными рядами книжных полок, уходивших вверх на несколько этажей, соединенных между собой изящными винтовыми лестницами и узкими галереями, опоясывавшими залы на разных уровнях. Воздух здесь был пропитан особым, ни с чем не сравнимым запахом

— смесью старой бумаги, кожи переплетов, деревянных полок и легкого аромата лаванды, которую раскладывали между книгами для защиты от насекомых. Этот запах был для Анны запахом детства, запахом мечты, которая наконец-то начала сбываться.

Анна любила это место. Здесь, среди тысяч и тысяч книг, она чувствовала себя в безопасности, словно в крепости, защищенной от всех невзгод внешнего мира. Здесь не было ни высокомерных аристократов, ни презрительных взглядов, ни напоминаний о ее происхождении. Здесь были только знания, древние и мудрые, доступные каждому, кто хотел их получить. И Анна жадно впитывала эти знания, стараясь наверстать все то, чего она была лишена в детстве, когда вместо книг у нее были только тяжелая работа и постоянная борьба за выживание. В библиотеке она чувствовала себя равной, чувствовала себя значимой, чувствовала себя той, кем она всегда хотела быть.

Она пришла в библиотеку раньше Дениса, как и всегда, и заняла их любимый стол в дальнем углу читального зала, у высокого стрельчатого окна, из которого открывался вид на внутренний двор Академии. Стол был массивным, из темного, потемневшего от времени дуба, с резными ножками в виде львиных лап и столешницей, испещренной бесчисленными царапинами и чернильными пятнами, оставленными

поколениями студентов.

Эта столешница была настоящей летописью Академии, на ней можно было разглядеть следы чьих-то клякс, царапины от чьих-то перьев, вырезанные чьими-то перочинными ножами инициалы. Анна разложила на нем свои книги и конспекты, стараясь навести хоть какой-то порядок в этом хаосе знаний, и принялась ждать.

Денис появился минут через десять, запыхавшийся и слегка растрепанный, что было для него совершенно нехарактерно. Обычно он выглядел безупречно, как и подобает наследнику древнего аристократического рода, но сегодня что-то явно выбило его из колеи. Его темные волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, падали на лоб непослушными прядями, а на щеке виднелся след от подушки, словно он только что проснулся. Его мантия была надета несколько небрежно, а воротник рубашки — слегка помят, что выдавало в нем человека, который одевался второпях, не глядя в зеркало.

— Прости за опоздание, — выдохнул он, опускаясь на стул рядом с ней. — Был разговор с отцом. Опять о моем будущем. Опять о том, что я недостаточно серьезно отношусь к своим обязанностям наследника.

Он говорил легко, с усмешкой, но Анна видела, что этот разговор задел его глубже, чем он хотел показать. В его глазах, обычно спокойных и уверенных, сейчас мелькали тени раздражения и усталости, а в голосе, несмотря на кажущуюся беззаботность, слышались нотки горечи. Она знала, что отношения Дениса с отцом были далеки от идеальных, и что каждый их разговор оставлял в его душе неприятный осадок, который он потом долго не мог смыть.

— И что он хотел на этот раз? — осторожно спросила она, не желая лезть в душу, но и не желая оставлять его наедине с этими мыслями. Ей хотелось поддержать его, но она не знала, как это сделать, не переступив невидимую границу, которую он сам установил.

— Обычное, — Денис махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Говорил о том, что мне пора подумать о женитьбе, о том, что нашему роду нужны наследники, о том, что я слишком много времени провожу в сомнительной компании и недостаточно времени уделяю связям с влиятельными семьями.

Он бросил на Анну быстрый, виноватый взгляд, и она поняла, что под «сомнительной компанией» его отец подразумевал именно ее. Это было неприятно, но не удивительно. Она давно привыкла к тому, что ее присутствие рядом с Де-

нисом вызывает неодобрение у его семьи. Привычка, однако, не делала это неодобрение менее болезненным.

— Не бери в голову, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. — Ты же знаешь, что мое мнение о твоём отце не изменится от того, что он думает обо мне. Мы здесь не для того, чтобы обсуждать наших родителей. Мы здесь, чтобы подготовиться к экзамену. Если, конечно, ты ещё помнишь, что такое экзамен.

Денис усмехнулся, и напряжение, сквозившее в его чертах, немного ослабло. Она всегда умела его успокоить, отвлечь от мрачных мыслей, напомнить о том, что в жизни есть вещи и поважнее, чем неодобрение родителей.

— Помню, помню, — ответил он, доставая из своей сумки книги. — Магистр Арно и его знаменитые вопросы. Говорят, в прошлом году он спросил одного студента о том, какого цвета были глаза у третьего настоятеля монастыря Святого Луция. Тот, бедняга, не смог ответить и получил неуд.

— И что, это правда? — Анна недоверчиво приподняла бровь.

— Не знаю, — пожал плечами Денис. — Но звучит правдоподобно. От Арно можно ожидать чего угодно. Поэтому

нам нужно подготовиться ко всему.

И они погрузились в учебу. Время текло незаметно, отмеряемое лишь шелестом переворачиваемых страниц и тихим скрипом перьев по бумаге. Они обсуждали древние тексты, спорили о толковании тех или иных событий, проверяли друг друга на знание дат и имен. Анна, несмотря на то, что у нее было гораздо меньше времени на подготовку, чем у Дениса, поражала его своей эрудицией и способностью запоминать огромные объемы информации. Она впитывала знания, как губка, и, казалось, не было такой темы, в которой она не разбиралась бы лучше него.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил он в очередной раз, когда она без запинки процитировала целый абзац из трактата о природе Света, написанного каким-то малоизвестным монахом триста лет назад. — Я читал эту книгу дважды и не запомнил и половины.

— Просто у меня память хорошая, — уклончиво ответила Анна, не желая признаваться в том, что она читала эту книгу ночами, при тусклом свете единственной свечи, потому что днем у нее не было на это времени. — И потом, мне нужно учиться лучше, чем вам. У меня нет запасных вариантов.

Это была правда, и Денис знал это. Для него Академия

была лишь этапом на пути к тому положению, которое он займет в обществе по праву рождения. Для Анны же Академия была единственным шансом вырваться из нищеты, и она не могла позволить себе роскошь быть посредственной.

— Ладно, — сказал Денис, потягиваясь и разминая затекшие плечи. — Предлагаю сделать перерыв. У меня уже голова идет кругом от всех этих дат и имен. Может, прогуляемся? Или выпьем чаю?

— Чай — это хорошо, — согласилась Анна. — Но сначала я хочу найти одну книгу. Магистр Арно упоминал на лекции о каком-то редком трактате, который, по его словам, содержит ключ к пониманию природы Света. Я записала название, но забыла, где его искать.

— И что это за трактат? — заинтересовался Денис.

— «О природе божественного сияния и его проявлениях в материальном мире», — прочитала Анна из своего конспекта. — Автор — некий Амвросий Затворник. Он жил, кажется, в четвертом веке от основания королевства. Арно говорил, что этот трактат был запрещен к распространению из-за содержащихся в нем «опасных идей», но один экземпляр все же сохранился где-то в библиотеке.

— Опасные идеи? — Денис удивленно поднял брови. — В трактате о природе Света? Что там может быть опасного?

— Вот и я хочу узнать, — ответила Анна, поднимаясь из-за стола. — Пойдем поищем. Это должно быть где-то в секции редких книг.

Они покинули читальный зал и углубились в лабиринт книжных стеллажей, который занимал большую часть библиотеки. Здесь, среди бесконечных рядов полок, уставленных книгами всех размеров и цветов, было легко заблудиться. Высокие стеллажи образовывали узкие проходы, в которых едва могли разойтись два человека, и эти проходы то и дело пересекались, создавая причудливую сеть, напоминающую лабиринт. Свет магических ламп проникал сюда лишь частично, оставляя дальние углы во мраке, и потому в этих проходах царил таинственный полумрак, который располагал к уединению и размышлениям.

Секция редких книг располагалась в самом дальнем конце библиотеки, в отдельном зале, доступ в который был ограничен. Здесь хранились наиболее ценные и древние экземпляры, многие из которых существовали в единственном числе и требовали особых условий хранения. Анна и Денис подошли к массивной дубовой двери, за которой начиналась эта секция, и остановились в нерешительности. На двери висела

табличка с надписью «Только для преподавателей и студентов старших курсов», но сама дверь была приоткрыта.

— Нам сюда нельзя, — неуверенно сказала Анна, заглядывая в щель. — По крайней мере, официально.

— А мы и не будем нарушать правила, — улыбнулся Денис с тем озорным блеском в глазах, который Анна так хорошо знала. — Мы просто заглянем. Если нас спросят, скажем, что заблудились.

— И кто из нас теперь плохо на меня влияет? — усмехнулась Анна, но не стала возражать. Любопытство пересилило осторожность.

Они проскользнули в приоткрытую дверь и оказались в просторном зале, освещенном лишь несколькими лампами, горевшими тусклым, желтоватым светом. Здесь пахло еще сильнее, чем в остальной библиотеке, — старой бумагой, пылью, воском и чем-то еще, неуловимым и тревожным, словно сам воздух здесь был пропитан тайнами. Стены зала были уставлены высокими, до самого потолка, книжными шкафами из темного дерева, за стеклянными дверцами которых виднелись корешки древних фолиантов. Многие из них выглядели настолько ветхими, что, казалось, могли рассыпаться в прах от одного прикосновения.

— Здесь никого нет, — прошептал Денис, оглядываясь по сторонам. — Библиотекарь, наверное, ушел на обед. У нас есть немного времени.

Они начали осматривать полки, стараясь не шуметь и не привлекать внимания. Анна вела пальцем по корешкам книг, читая названия, вытисненные золотыми буквами на выцветшей коже. Большинство из них были ей незнакомы, но некоторые она узнала из лекций — труды великих магов прошлого, запрещенные трактаты, апокрифические тексты, которые официальная церковь Света предпочитала не упоминать. Это было захватывающе и немного пугающе — находиться среди книг, которые хранили знания, недоступные простым смертным.

— Смотри, — вдруг тихо позвал ее Денис. — Кажется, я нашел что-то интересное.

Он стоял у дальнего конца зала, перед невысоким стеллажом, который выглядел несколько иначе, чем остальные. Его полки были не застеклены, а закрыты плотными деревянными ставнями, и сам стеллаж был придвинут к стене под странным углом, словно его недавно перемещали. Это сразу насторожило Анну — в библиотеке Академии все всегда стояло на своих местах, и любое отклонение от порядка бы-

ло подозрительным.

— Что это? — спросила она, подходя ближе.

— Не знаю, — пожал плечами Денис. — Но этот стеллаж стоит как-то... неправильно. Смотри, между ним и стеной есть зазор. Как будто он что-то скрывает.

Он осторожно потянул за край стеллажа, и тот, к его удивлению, легко сдвинулся с места, открывая узкий проход в стене. За ним обнаружилась крутая каменная лестница, уходящая вниз, в темноту. Оттуда пахнуло холодом и сыростью, и Анна почувствовала, как по ее спине пробежал холодок.

— Пыльный архив, скрытый за фальшивой стеной, — прошептала она, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Кто бы мог подумать.

— Интересно, что там? — Денис заглянул в темный проем, но ничего не увидел, кроме первых ступеней лестницы. — Может, посмотрим?

Анна колебалась лишь мгновение. С одной стороны, это было безрассудно и опасно — лезть в неизвестный подвал, который явно не предназначался для студентов. С другой стороны, любопытство, это неистребимое человеческое ка-

чество, которое так часто приводит к неприятностям, было слишком сильным. К тому же, рядом был Денис, а с ним она чувствовала себя в безопасности. Его присутствие всегда действовало на нее успокаивающе, и сейчас, стоя перед темным проемом, она особенно остро ощущала это.

— Идем, — решила она. — Но только быстро. И осторожно.

Она зажгла небольшой магический светлячок — простое заклинание, которому их научили еще на первом курсе, — и он повис в воздухе над ее ладонью, испуская мягкое, теплое сияние. Этот светлячок был, пожалуй, единственным заклинанием, которое Анна освоила в совершенстве, и она использовала его при каждом удобном случае, потому что в Нижнем квартале, где царила вечная тьма, дополнительный источник света никогда не был лишним. Там, в этом царстве теней, свет был не просто удобством — он был вопросом выживания, и Анна с детства научилась ценить его превыше всего.

Они начали спускаться по лестнице, стараясь ступать как можно тише. Ступени были старыми, истертыми тысячами ног, и некоторые из них опасно скрипели под весом. Воздух становился все холоднее и суше, а запах пыли — все сильнее. Казалось, этот архив не посещался десятилетиями, а то

и веками. Каждый их шаг эхом отдавался в тишине, и Анне казалось, что они вот-вот разбудят что-то древнее, дремавшее здесь долгие годы.

Лестница закончилась у небольшой деревянной двери, обитой железными полосами. Дверь была не заперта, и, толкнув ее, Анна и Денис оказались в обширном подвальном помещении, которое, по-видимому, и было тем самым пыльным архивом. Это был низкий, сводчатый зал, стены которого были выложены из грубого, неотесанного камня. Вдоль стен стояли бесконечные ряды деревянных стеллажей, уставленных книгами, свитками, папками с документами и какими-то непонятными предметами, укутанными в пыльную ткань. Пол был устлан толстым слоем пыли, в которой их шаги оставляли глубокие следы. Воздух был спертым и затхлым, и в нем висела та особая тишина, которая бывает только в местах, давно забытых людьми.

— Невероятно, — прошептал Денис, оглядываясь по сторонам. — Это место, должно быть, существует с самого основания Академии. Смотри, сколько здесь всего!

Он подошел к ближайшему стеллажу и провел пальцем по корешку какой-то книги. Толстый слой пыли остался на его пальце, и он брезгливо стряхнул его.

— Тут, наверное, не убирали лет сто, — заметил он. — И, судя по всему, не собираются.

Анна медленно шла вдоль стеллажей, разглядывая книги. Названия на корешках были вытиснены старинными, витиеватыми буквами, некоторые из которых она с трудом могла разобрать. Здесь были труды по истории, философии, магии, алхимии, астрономии — целые пласты знаний, погребенные под слоями пыли. Ей казалось, что она попала в сокровищницу, где хранились ответы на все вопросы, которые только можно было задать. И от этого осознания у нее перехватывало дыхание.

— Смотри, что я нашла, — вдруг сказала она, останавливаясь перед небольшим стеллажом, стоявшим отдельно от остальных, в самом дальнем углу зала. На его полках лежали лишь несколько книг, но они выглядели иначе, чем все остальные. Их переплеты были из черной, блестящей кожи, а на обложках не было никаких названий — лишь странные, загадочные символы, вытисненные золотом или серебром.

Денис подошел к ней и тоже принялся разглядывать эти книги.

— Странно, — пробормотал он. — Эти книги явно не относятся к магии Света. Слишком уж они... темные.

— Именно, — согласилась Анна. — Но они здесь, в библиотеке Академии Света. Зачем хранить такие книги, если не для изучения?

— Может, именно для того, чтобы их никто не нашел, — предположил Денис. — Спрятать в самом дальнем углу забытого архива, куда никто не заглядывает. Самый надежный способ сохранить секрет — это спрятать его на виду.

Анна протянула руку и осторожно коснулась одной из книг. Кожа переплета была холодной на ощупь, но в то же время какой-то странно живой, словно под ней текла кровь. По спине Анны пробежал холодок, но она не отдернула руку. Вместо этого она взяла книгу с полки и взвесила ее на ладони. Книга была тяжелой, гораздо тяжелее, чем можно было ожидать от ее размеров, и от нее исходило едва уловимое, но явственное ощущение силы.

— Что это? — спросил Денис, заглядывая через ее плечо.

Анна повернула книгу, чтобы рассмотреть обложку. На ней, в центре, было вытиснено золотом изображение циферблата часов, но не обычных, а каких-то странных, с множеством стрелок, указывающих в разные стороны. Вместо цифр на циферблате были выгравированы непонятные сим-

волы, напоминающие древние руны. И в самом центре, где обычно крепятся стрелки, был изображен глаз — широко открытый, всевидящий, пронзительный.

— «Хроники Разлома», — прочитала Анна название, вытисненное внизу обложки, под изображением часов. — Ты когда-нибудь слышал об этой книге?

Денис покачал головой.

— Никогда. Ни в одном каталоге, ни в одной библиографии, ни в одной лекции. Это название мне совершенно незнакомо.

— И что такое Разлом? — продолжала Анна, больше рассуждая вслух, чем обращаясь к нему. — Я читала о Великом Разломе, который, по легендам, разделил мир на две части — мир Света и мир Тьмы. Но это было так давно, что все считают это просто мифом.

Она раскрыла книгу, и в тот же момент произошло нечто странное. Страницы начали перелистываться сами собой, словно под порывом невидимого ветра, хотя в подвале не было ни малейшего сквозняка. Они мелькали перед глазами Анны с невероятной скоростью, и она не успевала разглядеть ни одной буквы, ни одного слова. А потом книга резко оста-

новилась, раскрытая на одной-единственной странице.

Анна и Денис одновременно склонились над ней, пытаясь разобрать написанное. Текст был на старинном языке, который Анна с трудом понимала, но заголовок главы, выведенный крупными, витиеватыми буквами, был ей ясен.

— «О перемещениях во времени», — прочитала она вслух, и ее голос дрогнул. — Эта книга о путешествиях во времени.

Денис побледнел и отшатнулся от книги, словно она была ядовитой змеей.

— Этого не может быть, — прошептал он. — Перемещения во времени — это запретная магия. Даже упоминание о ней карается изгнанием из Академии. Если не хуже.

— Значит, эта книга — из запретной секции, — сказала Анна, но в ее голосе не было страха. Лишь холодное, спокойное осознание того, что она только что прикоснулась к чему-то гораздо более значительному, чем ей казалось.

Она наклонилась над страницей, пытаясь разобрать текст. Буквы были старинными, вычурными, и многие слова ей были незнакомы, но она упорно вчитывалась в них, чувствуя,

как внутри нее разгорается какое-то странное, тревожное возбуждение. Эта книга была ключом. Ключом к чему-то великому и опасному, к чему-то, что могло изменить все.

— Анна, положи ее на место, — тихо, но настойчиво сказал Денис. — Мы не должны были это видеть. Это знание не для нас.

— Но почему? — возразила она, не отрывая взгляда от страницы. — Почему знание должно быть запретным? Разве не в знании сила? Разве не для того мы здесь, чтобы узнавать?

— Не все знания одинаково полезны, — ответил Денис, и в его голосе прозвучали нотки его отца, те самые, которые Анна так не любила. — Некоторые знания разрушают. Некоторые знания опасны. Эта книга — из таких.

— И что же мне делать? — спросила Анна, поднимая на него глаза. — Сделать вид, что я ее не видела? Забыть о том, что она существует?

— Да, — твердо ответил Денис. — Именно это. Забыть. И никогда не возвращаться сюда.

Анна долго смотрела на него, пытаясь понять, что скры-

вается за его словами. Страх? Да, но не страх перед книгой. Скорее, страх перед тем, что эта книга может с ними сделать. И в этом страхе было что-то глубоко личное, что-то, о чем Денис не хотел говорить.

— Хорошо, — сказала она наконец, медленно закрывая книгу. — Я положу ее на место. Но я не могу просто забыть. Это выше моих сил.

Она аккуратно поставила книгу на полку, на то же место, откуда взяла ее, и провела пальцем по черному переплету, словно прощаясь с чем-то важным. Золотые часы на обложке блеснули в тусклом свете магического светлячка, и Анне на мгновение показалось, что стрелки на циферблате сдвинулись, указывая на нее.

— Идем отсюда, — сказал Денис, беря ее за руку. — Пока нас не хватились.

Они вернулись тем же путем, что и пришли, стараясь не оставлять следов. Денис задвинул стеллаж на место, и тот встал так плотно, словно его никогда и не открывали. Они вышли из секции редких книг, и только тогда Анна поняла, как сильно бьется ее сердце и как дрожат руки. Она только что прикоснулась к запретному знанию, и это прикосновение изменило ее. Она еще не знала, как именно, но чувствовала,

что прежней она уже не будет никогда.

Весь оставшийся день она провела как в тумане. Денис пытался вернуть ее к занятиям, но она отвечала невпопад, погруженная в свои мысли. Книга с золотыми часами на обложке не выходила у нее из головы. Она думала о ней за обедом, думала на вечерних занятиях, думала, возвращаясь домой по темным улицам Нижнего квартала. И чем больше она о ней думала, тем сильнее становилось ее желание вернуться и прочитав эту книгу от начала до конца.

Она знала, что это опасно. Она знала, что Денис прав. Но она также знала, что не сможет устоять. Эта книга была зовом, на который она должна была ответить. И она ответит. Завтра. Или послезавтра. Или через неделю. Но ответит обязательно.

Той ночью ей снова снились темные коридоры. Но на этот раз в конце коридора был свет. И этот свет был золотым, как часы на обложке книги.

Глава 3. Эксперименты с вечностью

Прошло две недели с того дня, как Анна впервые прикоснулась к «Хроникам Разлома», и с тех пор её мир перестал быть прежним. Книга не просто заняла место в её сознании — она проросла в него корнями, опутала мысли липкой паутиной запретного знания, и каждое утро Анна просыпалась с ощущением, что кто-то невидимый шепчет ей на ухо строки из древнего фолианта.

Она пыталась заглушить этот голос повседневными делами: ходила на лекции по теории магических полей, добросовестно конспектировала заклинания третьего уровня, даже дважды оставалась на дополнительные занятия по истории орденов, надеясь, что усталость и рутина вытеснят навязчивое. Но тщетно. Образ книги с золотыми часами на обложке преследовал её повсюду — в отражениях оконных стёкол, в тенях от свечей, в шелесте страниц других учебников, которые внезапно казались ей пустыми и плоскими, лишёнными той пульсирующей глубины, что таилась в «Хрониках».

Она ловила себя на том, что на лекциях по астрономии

смотрит не на звёздные карты, а на собственную ладонь, пытаясь увидеть там линии времени, о которых писала книга. Она перестала слышать голос профессора Харвиса, когда тот объяснял теорию пространственных складок, потому что в её голове эти складки сплетались в узлы, напоминавшие диаграммы из запретного фолианта. Анна пыталась убедить себя, что это простое любопытство — естественная тяга человека к неизведанному, особенно если это неизведанное оказалось так близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Но где-то в глубине души, в той самой тёмной, тайной комнате её внутреннего мира, где она редко позволяла себе бывать, Анна знала: дело не в любопытстве. Дело в отклике.

Та сила, что проснулась в ней в ночь стычки с тёмным магом на окраине Нижнего квартала, теперь гудела в её венах, как струна, которую задели и забыли отпустить. Она тянулась к книге не умом — телом. Каждой клеткой, каждым нервным окончанием она чувствовала, что «Хроники» ждут её, что между ней и этим древним манускриптом существует какая-то незримая связь, почти как родство, но более тёмное и опасное. Анна вспоминала слова Дениса о том, что книги бывают живые, что некоторые фолианты сами выбирают себе читателей, и теперь она начинала верить в это всерьёз. Ей казалось, что книга дышит, что её страницы пульсируют в такт с её собственным сердцем, и это совпадение пугало её до дрожи в коленях, но одновременно пьянило, как запрет-

ное зелье.

На четвёртую ночь она сдалась. Поздно вечером, когда часы на главной башне Академии пробили одиннадцать и коридоры опустели, Анна бесшумно скользнула из своей комнаты. Она не зажгла свет — зачем, если она знала каждый поворот этого старого здания наизусть? Память тела вела её вдоль главного зала, мимо портретов великих магов, чьи глаза, казалось, следили за ней с полотен, мимо дверей в отдел древних манускриптов, где пахло кожей и вековой пылью. Она миновала стеллажи с генеалогическими таблицами королевских домов, где фамильные древа переплетались в такие сложные узоры, что в них можно было заблудиться, как в чаще, и наконец остановилась перед дверью с табличкой «Только для преподавателей и студентов старших курсов». Сердце колотилось где-то в горле, но руки не дрожали — странное спокойствие снизошло на неё, как благословение или, наоборот, как проклятие, когда страх отступает перед неизбежностью.

Дверь, как и в прошлый раз, оказалась не заперта. Анна на мгновение задумалась: то ли магистр Флавий, старый библиотекарь с вечно сонными глазами, забывал запереть её по привычке, то ли кто-то другой пользовался этой лазейкой, но она не стала размышлять. Она проскользнула внутрь, чувствуя, как холодный воздух хранилища окутывает её, и на-

правилась к знакомому стеллажу. Тот стоял на том же месте, массивный, тёмный, пахнувший воском и древностью. Анна упёрлась плечом в его бок и нажала. Сначала он не поддавался — дерево скрипело, как живое существо, и ей показалось, что она слышит шёпот: «Не надо, остановись». Но она нажала сильнее, всем телом, и стеллаж сдвинулся с места с глухим рокотом, открывая узкий, тёмный проход, ведущий вниз.

Лестница показалась ей бесконечной. Ступени, истёртые ногами многих поколений запретолубцев, были скользкими от сырости, и Анна осторожно ступала по ним, держась рукой за стену, покрытую холодной слизью. Каждый шаг отдавался в тишине гулким эхом, и ей казалось, что этот звук разносится по всему архиву, что кто-то там, наверху, слышит его и уже тянется к сигнальному колокольчику. Но никто не пришёл. Никто не остановил её. И когда она наконец добралась до нижней двери, обитой железными полосами, она уже не колебалась. Она толкнула её, и та поддалась с протяжным скрипом, впуская её в пыльный, сумрачный зал, который теперь стал её тайным убежищем.

Анна зажгла магический светлячок — крошечный шарик тёплого света, который она научилась создавать ещё на первом курсе. Его сияние выхватило из тьмы высокие своды, покрытые паутиной, бесконечные ряды стеллажей, уходящие

вглубь, и висящие в воздухе пылинки, которые кружились в свете, как маленькие звёзды. Она подошла к дальнему углу, туда, где на нижней полке лежала чёрная книга, и взяла её в руки. Та снова оказалась тяжелее, чем можно было предположить, и от её поверхности исходил тот же странный холод, который она почувствовала в первый раз — не физический, а скорее ментальный, будто сама книга проверяла её на прочность. Золотые часы на обложке тускло блеснули, и Анна готова была поклясться, что стрелки сдвинулись на несколько делений — книга узнала её.

Она села прямо на каменный пол, поджав под себя ноги, и положила фолиант на колени. Страницы были старыми, с пожелтевшими краями, но на удивление прочными, словно время над ними не властно. Анна провела пальцем по первому абзацу, и ей показалось, что текст засветился на мгновение, как будто приветствуя её. Она начала читать, с трудом разбирая витиеватый старинный шрифт, и каждое слово отдавалось в ней резонансом. «Хроники Разлома» оказались не просто книгой о путешествиях во времени. Это был настоящий трактат — глубокий, многослойный, написанный кем-то, кто явно посвятил этому вопросу не один десяток лет. В нём описывались не только теоретические основы перемещений, но и практические аспекты: заклинания для разрыва временной ткани, ритуалы для стабилизации временных петель, артефакты, способные удерживать путешествен-

ника в чужой эпохе. И, что самое поразительное, в книге содержались подробные описания последствий таких путешествий — парадоксы, расщепления личности, исчезновения из памяти близких, создание альтернативных реальностей, которые могли существовать параллельно основной.

Анна читала о том, как один маг, попытавшийся спасти свою погибшую сестру, создал тридцать семь временных ответвлений, в каждом из которых сестра умирала иначе, и сам он сошёл с ума, не в силах отличить ту реальность, где она была жива, от той, где её никогда не существовало.

Она прочитала до рассвета, пока глаза не начали слипаться, а буквы не стали расплываться перед взором. Она прочла лишь малую часть — может быть, пятую или шестую, но и этого было достаточно, чтобы понять: она прикоснулась к знанию, которое способно перекроить мироздание. И это знание, как она и подозревала, было опасно не только для того, кто его использовал, но и для каждого, кто оказывался рядом. Она чувствовала, что уже изменилась — в ней что-то сместилось, сдвинулось с места, и обратного пути не было.

На следующий день она не выдержала и рассказала Денису. Они встретились в небольшом кафе на окраине Верхнего города, за столиком у тёмного окна, где их голоса тонули в шуме дождя и звоне чашек. Анна, понизив голос до шёпота,

пересказала ему всё, что успела прочитать, описывая каждую страницу с такой детальностью, будто она держала книгу перед глазами. Денис слушал молча, его лицо становилось всё мрачнее, а пальцы, сжимавшие кружку с чаем, побелели от напряжения.

— Ты понимаешь, что ты сделала? — спросил он наконец, когда она замолчала. Его голос был низким и напряжённым, как струна перед разрывом. — Ты нарушила все правила, которые только можно было нарушить. Если бы тебя поймали — тебя бы исключили в ту же секунду. Может быть, даже лишили права заниматься магией навсегда. Ты могла бы потерять всё.

— Но не поймали же, — возразила она, хотя внутри неё шевельнулся холодок страха. — И не исключили. Я была осторожна. Никто не видел меня. И даже если бы видели — что они могли сказать? Что студентка второго курса читает книгу, которую она не должна была брать? Это не преступление.

— Анна, — он посмотрел на неё с той смесью беспокойства и раздражения, которая появляется у человека, когда он видит, что его друг не осознаёт всей опасности. — Дело не в том, что ты нарушила правила библиотеки. Дело в том, что ты прикоснулась к тому, что сжигает людей изнутри. Мой

отец... он не раз говорил мне о временах, когда такие книги были распространены. Он говорил, что знание, которое они содержат, губило не только слабых, но и сильных. Оно сводило с ума. Лишало воли. Превращало в одержимых, которые готовы были разрушить мир, лишь бы проверить свою теорию.

— Твой отец рассказывал тебе о временных парадоксах? — Анна приподняла бровь, хотя внутри неё что-то дрогнуло — она знала, что Денис не склонен к преувеличениям. — Или о том, как их избегать?

— Нет, не о деталях, — признался он, и его взгляд стал задумчивым. — Он говорил общими словами. Но он дал мне понять, что эта магия запрещена не для того, чтобы сохранить монополию на знания, как думают многие. А потому, что за ней стоит нечто большее. Что-то, что древнее самой Академии, что-то, что не должно было быть обнаружено.

— И что же? — Анна подалась вперёд, и её голос стал почти умоляющим. — Что за этим стоит?

— Не знаю, — честно ответил Денис, и в его глазах мелькнула тень, которую она не могла истолковать. — Но я хочу узнать. И я хочу понять, почему эта книга оказалась именно в библиотеке Академии, а не в королевском архиве или в

подземельях Инквизиции. И почему она открылась именно на той странице, где говорится о перемещениях во времени. Анна, это не случайность. Книга выбрала тебя. Или ты выбрала её. Но между вами есть связь, и она не исчезнет, если мы сделаем вид, что ничего не произошло.

Он замолчал, и Анна увидела в его глазах отражение своих собственных страхов и сомнений. Денис боялся — она чувствовала это по тому, как он нервно крутил пустую чашку в руках, как его взгляд метался по сторонам, словно он ожидал, что их подслушивают. Но её собственное любопытство, её жажда понять, что происходит, перевешивала страх. Она видела то же самое в нём — неистребимую, почти безумную тягу к истине, какой бы страшной она ни была. Именно это и объединяло их. Не дружба, не общие интересы, а именно это — готовность шагнуть в пропасть ради ответа.

— Я предлагаю следующее, — сказал он, понизив голос до едва слышного шёпота, и его дыхание коснулось её щеки. — Мы будем изучать книгу вместе. Вместе прочитаем её от начала до конца, вместе разберёмся в её структуре, вместе решим, что с этим делать дальше. Но мы должны быть осторожны. Предельно осторожны. Никто не должен узнать. Это наша тайна, Анна. Наша и ничья больше.

Анна согласилась почти сразу. Она знала, что в одиночку

она утонет в этом море информации, захлебнётся в запретном знании, потеряет себя. Денис был её якорем, её логическим противовесом, тем, кто мог остановить её, когда она заходила слишком далеко. Вместе у них был шанс не просто выжить, но и понять.

Следующие полторы недели они проводили каждую ночь в пыльном архиве, тайно встречаясь у стеллажа с генеалогиями, сдвигая его и спускаясь вниз. Каждый раз ритуал начинался с одного и того же: Денис прислушивался к шагам в коридоре, затем они вместе наваливались на стеллаж, спускались по лестнице, зажигали светлячков и погружались в чтение. Анна, с её феноменальной памятью, запоминала целые главы, а Денис с его аналитическим умом пытался выстроить из прочитанного структуру, выявить закономерности и связи. Они обсуждали каждую страницу, спорили о значении каждого символа, и постепенно перед ними начала вырисовываться картина, от которой у обоих захватывало дух.

Книга утверждала, что время не является линейным потоком, как учили в Академии. Оно было океаном — бескрайним, глубоким, изменчивым, где прошлое, настоящее и будущее сосуществовали одновременно, как слои воды разной температуры. И тот, кто обладает достаточной силой и знанием, может плавать в этом океане, перемещаясь из одной точки в другую, но каждый такой шаг оставляет след — рябь,

которая может обернуться штормом. Для перемещения требовалось три компонента: мощный источник энергии, способный разорвать ткань реальности; точный расчёт координат — временных и пространственных; и особая формула, которая связывала бы эти два элемента воедино.

— Это слишком сложно для нас, — сказал Денис однажды, отрываясь от книги, и в его голосе звучала усталость. — Мы всего лишь второкурсники. Мы не проходили даже половины того, что здесь написано. Эти формулы — они на уровне магистерского курса.

— Но мы можем попробовать, — возразила Анна, и её глаза горели огнём, который пугал её саму. — Что-то мы уже знаем. Источник энергии у нас есть — это мы сами. Координаты можно вычислить, если взять за точку отсчёта текущий момент. А формула... она здесь, в книге. Написана чёрным по белому.

— Ты предлагаешь провести эксперимент? — Денис посмотрел на неё с недоверием, смешанным с тревогой. — Здесь, прямо в библиотеке?

— Нет, — покачала она головой, и её голос стал твёрже. — Здесь слишком опасно. Слишком много глаз, слишком много случайных прохожих. Нам нужно место, где нас никто не

побеспокоит, где можно ошибиться без последствий. Место, которое будет нашим, полностью и безраздельно.

И такое место нашлось. В восточной части Верхнего города, на самой границе с Нижним кварталом, возвышалась старая башня, оставшаяся от древней крепостной стены. Когда-то она охраняла городские ворота, но после того, как стены снесли, а город расширился, башня оказалась никому не нужна. Её обошли стороной даже нищие и бродяги, потому что ходили слухи о том, что в ней обитают призраки погибших стражников. Местные жители считали её проклятой, и потому башня стояла в запустении уже несколько десятилетий, постепенно разрушаясь под напором ветра и дождей.

В следующую субботу, когда солнце уже село и город погрузился в синий сумрак, Анна и Денис встретились у входа в башню. Ночь была безлунной, небо затянуто тяжёлыми тучами, лишь кое-где редкие звёзды пробивались сквозь разрывы. Башня высилась перед ними мрачной чёрной громадой, её пустые оконные проёмы смотрели на них, как глазницы черепа, и ветер завывал в трещинах, создавая жуткий, тягучий звук, похожий на стон.

— Ты уверена, что хочешь этого? — тихо спросил Денис, и его дыхание вырвалось облачком пара в холодном воздухе.

— Нет, — честно ответила Анна, и её голос дрогнул. — Но если я не попробую, я никогда себе этого не прощу. Я буду жить с этим вопросом до конца своих дней, и он сожрёт меня изнутри.

Они вошли. Внутри было холодно и сыро, пахло плесенью, сырым камнем и чем-то гнилостным. Стены были покрыты трещинами, сквозь которые проникал ледяной ветер, а пол усыпан обломками кирпичей, старыми костями и мусором, который приносили сюда ветра. Но главное — здесь было пусто. Абсолютно пусто. Ни души, ни звука, только тишина, которая давила на уши.

Они поднялись на верхний этаж, откуда открывался невероятный вид на город, раскинувшийся внизу, как живая карта. Верхний квартал сиял белыми и золотыми огнями магических фонарей — там даже ночью не было темно, словно вечный день царил над дворцами и академическими корпусами. Нижний квартал тонул во мраке, только кое-где тусклые масляные лампы мерцали в окнах, и эти точки света казались утопающими в чёрном море. Анна замерла на мгновение, глядя на этот контраст, который всегда напоминал ей, откуда она пришла и насколько далеко ушла. Но сейчас в её душе не было горечи — только решимость.

— Начнём? — тихо спросил Денис, вытаскивая из сумки

исписанный лист бумаги, на котором он накануне переписал формулу из книги, старательно избегая ошибок.

Анна кивнула. Они сели на холодный каменный пол, скрепив ноги, лицом друг к другу. Между ними лежала раскрытая книга, и свет магического светлячка отбрасывал на её страницы причудливые тени, заставляя золотые часы на обложке мерцать, как живое золото. Денис начал читать заклинание — длинную, витиеватую формулу на древнем языке, который они с трудом, но заучили за последние дни. Его голос, обычно ровный и спокойный, теперь звучал напряжённо, с лёгкой хрипотцой, и Анна чувствовала, как воздух вокруг них начинает сгущаться, наполняясь видимой, осязаемой энергией.

Она закрыла глаза и сосредоточилась, пытаясь направить свою внутреннюю силу в общий поток. То самое тёплое, пульсирующее ядро, которое пробудилось в ней несколько недель назад, откликнулось сразу, словно только и ждало этого призыва. Сила начала подниматься из глубины её существа, растекаясь по телу, наполняя каждую клеточку, каждый нерв, каждую мысль. Анна чувствовала, как эта энергия вливается в заклинание, усиливает его, придаёт ему форму, окрашивает в серебристо-голубой цвет, который она видела внутренним зрением.

Вокруг них начал разгораться свет. Сначала слабый, едва заметный, как утренняя заря на горизонте, он постепенно набирал яркость, окутывая их плотным коконом, который вибрировал и гудел, как живое существо. Воздух завибрировал, пол под ними задрожал, и Анна почувствовала, что реальность начинает истончаться, что между ними и временем возникает тонкая, но реальная трещина. Она уже не могла остановиться, даже если бы захотела — сила несла её, как река несёт упавшую ветку.

А потом свет погас, и наступила тьма. Абсолютная, глубокая тьма, в которой исчезли даже очертания башни.

Анна открыла глаза. Она сидела на том же месте, на том же полу, но всё вокруг казалось иным. Светлячок всё ещё висел в воздухе, освещая пустую комнату, но что-то было не так. Она присмотрелась и поняла: камни на полу, которые только что были усыпаны мусором и обломками, теперь лежали в другом порядке, более ровном, будто кто-то недавно их подметал. А в углу, где раньше ничего не было, теперь стоял старый деревянный ящик, покрытый паутиной.

— Денис? — позвала она, и её голос прозвучал странно глухо, как будто её отделяла от мира невидимая преграда. — Ты здесь?

— Я здесь, — отозвался он из темноты, и в его голосе слышалось изумление, смешанное с ужасом и восторгом. — Анна... кажется, получилось. Мы переместились. Мы действительно в другом времени.

— Куда? — спросила она, вставая на ноги, и её колени дрожали. — В какое время? Мы далеко?

— Не знаю, — ответил он, подходя к окну. — Но точно не в нашем. Смотри.

Она подошла к нему и взглянула вниз. Город раскинулся под ними, но он был другим. Верхний квартал сиял, как и прежде, но не холодным белым светом магических фонарей, а тёплым, живым пламенем тысяч факелов и масляных ламп, которые танцевали на ветру. И Нижний квартал — там горело гораздо больше огней, чем она привыкла видеть, и эти огни были более живыми, более хаотичными, словно город дышал иначе.

— Мы в прошлом, — прошептала она, и от этого шепота у неё перехватило дыхание. — На много лет назад. Может быть, на десятилетия.

— Нет, — покачал головой Денис, взглянув на свои наручные часы, которые показывали... ничего. Стрелки оста-

новились, застыли на месте, будто само время перестало для них существовать. — Я смотрел на башню снизу, когда мы входили. Я запомнил одну трещину на стене — она была в форме молнии. Сейчас эта трещина меньше. Намного меньше. Это значит, что мы переместились не на десятилетия, а всего на час или два. В прошлое, но близкое.

— Но книга говорила, что минимальный интервал — несколько дней, — удивилась Анна, и в её голосе прозвучала растерянность. — Как мы смогли переместиться только на час?

— Может быть, из-за того, что мы недостаточно сильны, — предположил Денис, и в его голосе появилась аналитическая нотка. — Или формула прочитана с ошибками, или мы не полностью активировали источник. Но мы здесь. Мы в прошлом, которое было всего час назад. Это... невероятно.

И тут Анна замерла. Она услышала шаги. Шаги доносились с лестницы, ведущей на верхний этаж. Кто-то поднимался, осторожно, почти бесшумно, но она улавливала звуки — скрип старого дерева, шорох ткани о камень. И она поняла, кто это. Её сердце пропустило удар.

— Денис, — прошептала она, хватая его за рукав с силой, от которой побелели костяшки. — Слышишь? Там кто-

то есть.

— Слышу, — ответил он так же тихо, и в его голосе она услышала панику, которую он пытался подавить. — Это... это мы. Наши прошлые версии. Те, которые только собираются начать эксперимент. Если они нас увидят, если наши пути пересекутся — будет парадокс. Мы можем исчезнуть, или они исчезнут, или реальность схлопнется.

— Что делать? — спросила она, и её голос дрогнул.

— Прятаться, — скомандовал он, и они метнулись в тень массивной каменной колонны, поддерживающей свод. Они прижались к холодному камню, затаив дыхание, и в следующее мгновение на площадку поднялись их двойники. Те же лица, та же одежда, та же книга в руках. Прошлые Анна и Денис не заметили их — они были полностью поглощены своим делом. Они сели на пол, разложили книгу, зажгли свечечков и начали читать заклинание.

— Это мы, — прошептала Анна, и её голос сорвался на беззвучие. — Мы час назад.

— Молчи, — прошипел Денис, сжимая её руку. — Если они нас заметят — всё. Мы не должны вмешиваться. Мы просто наблюдаем.

Они затаились, боясь даже дышать, и наблюдали, как их прошлые версии повторяют ту же формулу, как вокруг них разгорается тот же свет, как они исчезают, оставляя после себя лишь пустоту и тишину.

— Они исчезли, — выдохнула Анна, и её колени подогнулись. — Они отправились... отправились туда же, куда и мы. В прошлое, которое для них — будущее.

— Да, — мрачно кивнул Денис, и его лицо побледнело. — И это значит, что мы застряли здесь. В прошлом. На час позади нашего настоящего.

— Как нам вернуться? — спросила она, и её голос стал умоляющим.

— Я не знаю, — покачал он головой, и его пальцы впились в плечо Анны. — В книге говорилось, что для возвращения нужно повторить заклинание в обратном порядке. Но книга осталась там, в нашем времени. Она на полу. И мы не можем её коснуться, потому что она принадлежит нашей прошлой версии.

Анна похолодела. Она осознала всю глубину их ошибки. Они не просто переместились во времени — они выпали из

него, стали чужими в собственном прошлом. И если они не смогут вернуться, их след в настоящем исчезнет, как чернила на мокрой бумаге.

Но тут произошло нечто странное. Воздух вокруг них снова завибрировал, но иначе, чем в первый раз — это была не энергичная вибрация, а скорее тягучая, как стон уставшего мира. Анна почувствовала, что реальность начала расплываться, терять очертания, словно она смотрит на мир сквозь толщу воды. Стены башни поплыли, светлячок задрожал и погас, и на мгновение она провалилась в бездну — в пустоту, где не было ни звука, ни цвета, ни времени.

А затем всё вернулось. Она сидела на полу башни, и Денис был рядом, и на коленях у неё лежала раскрытая книга. Светлячок горел ровно и спокойно, а за окном сиял ночной город — их город, их время. Огни Верхнего квартала были холодными, белыми, электрическими, и Нижний тонул в привычном мраке. Они вернулись.

— Мы вернулись, — прошептал Денис, и в его голосе прозвучало такое облегчение, что Анна почувствовала, как её собственное тело расслабляется, отпуская напряжение последних минут. — Мы вернулись. Живые. Целые.

— Но как? — спросила она, и её голос дрожал. — Поче-

му? Что нас выбросило обратно?

— Может быть, эффект заклинания был временным, — предположил Денис, и его лицо стало задумчивым. — Может быть, нашей силы недостаточно для долгого пребывания в прошлом. Мы как резинка — нас растянули, и когда напряжение ослабло, нас отбросило назад.

— Или мы создали петлю, — медленно проговорила Анна, и её взгляд стал отсутствующим. — Мы переместились на час назад, встретили самих себя, и когда наши прошлые версии завершили заклинание, петля замкнулась. Мы стали частью собственного прошлого, и когда оно исчерпало себя, нас вытолкнуло в настоящее.

— Возможно, — кивнул Денис, и в его глазах мелькнула тревога. — Но есть одно «но». Если мы создали петлю, значит, наше будущее уже предопределено. Мы будем стоять за колонной, когда наши прошлые версии придут сюда. Мы будем наблюдать за собой. И это означает, что у нас нет выбора. Мы не можем изменить это событие, потому что мы его уже прожили.

— Это пугает, — тихо сказала Анна, и она почувствовала, как холодок страха пробегает по её спине. — Чувствовать себя частью механизма, где ты всего лишь шестерёнка.

— Но это и даёт нам силу, — возразил Денис. — Мы знаем, что мы выжили. Мы знаем, что петля замкнулась правильно. Значит, мы можем действовать смелее. Мы уже доказали, что можем перемещаться во времени. Теперь нам нужно научиться контролировать этот процесс.

Они долго сидели молча, приходя в себя. Эксперимент удался, но цена была высока — они поняли главное правило, которое можно было сформулировать всего в одном предложении: никогда не касайся своей прошлой версии, потому что даже мимолётное прикосновение может создать парадокс, который уничтожит всё. Но сколько ещё правил им предстояло усвоить? Сколько ещё ошибок они должны совершить, чтобы понять природу времени?

— Знаешь, — сказала Анна наконец, и её голос был тихим, как шёпот умирающего огня. — Я начинаю понимать, почему эта магия запрещена. Дело не в том, что она опасна. Дело в том, что она делает с человеком. Она лишает его иллюзий. Она показывает ему, что он не хозяин своей судьбы, что время — это не река, а океан, и в этом океане можно утонуть.

— И я, — согласился Денис, и его голос был таким же тихим, но в нём слышалась сталь. — Но это не значит, что

мы должны остановиться. Мы только начали. И я чувствую, что это начало чего-то гораздо большего. Мы не просто переместились на час назад. Мы коснулись вечности. И если мы сможем понять её законы, мы сможем изменить всё. Не только наши жизни, но и жизни тысяч других людей.

Он был прав. Это было только начало. И это начало, как и сама книга, было окутано тайной, которую им предстояло разгадать. Тайной Разлома. Тайной вечности. Тайной, которая, возможно, изменит не только их судьбы, но и судьбу всего королевства Люмьер. И Анна знала, что она не остановится. Она будет идти вперёд, даже если путь будет усеян обломками её собственных надежд и страхов. Потому что теперь она знала: правда стоит того. Даже если она разрушит всё, что она знала раньше.

Глава 4. Бал у губернатора

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.